

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-171-192

О социальных порядках, способах их постижения и конструирования (о новой книге В.М. Ефимова)

П.Н. ТЕСЛЯ, кандидат экономических наук

E-mail: teslia.pavel@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5128-2564

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский технический университет, Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет, Новосибирск

Аннотация. В своей новой книге В. М. Ефимов развивает применение методологии прагматизма Дж. Дьюи в экономических исследованиях. Приложение этой методологии представлено в духе традиций «исходного» институционализма Дж. Коммонса и немецкой историко-этической школы Г. Шмоллера. Автор критически рассматривает магистральные течения современной экономической мысли, в особенности – новой институциональной теории. В книге показана апологетическая и антинаучная сущность последней. Принципиальной новацией обсуждаемой книги стало рассмотрение монетарных социальных порядков, в которых власть проявляется через посредство института денег, в отличие от патрональных порядков, где она являет себя непосредственно. Институты трактуются как опривыченные правила, за которыми стоят верования и представления. Кредитная природа денег потребовала рассмотрения роли платежных сообществ, их роли в создании и использовании денег как орудия власти. В рецензии рассмотрены вопросы, требующие дальнейшей разработки в рамках заявленной в книге тематики: в частности, предлагается развитие экспериментального подхода в экономических исследованиях, совершенствование подготовки экономистов-исследователей и ряд других.

Ключевые слова: экономическая наука; социальные порядки; социальные и экономические институты; экономическая власть; методология экономического исследования; исходный институционализм; новая институциональная теория; платежное сообщество; денежный мультипликатор; экспериментальная экономика; экономические эксперименты

Жанр новой книги В.М. Ефимова «Деньги, социальные порядки и экономическая наука» [Ефимов, 2021a]¹ определить довольно трудно. Скорее всего, мы видим перед собой сочетание исторического обзора развития институциональной

---

¹ В дальнейшем ссылки на соответствующие страницы данного издания будут даваться в круглых скобках.

экономической теории, научной критики и разработки оригинальной научной концепции. В таком ключе писали в прошлом и позапрошлом веках, но и в наше время это смотрится актуально. Книгу можно также классифицировать как экономико-философское исследование², опыт развития методологии научно-практической конструктивистской деятельности, направленной на изучение и совершенствование (конструирование) социального порядка. Рассматриваемая монография фактически является продолжением предшествующей книги [Ефимов, 2016], в которой была поставлена задача разоблачения апологетической функции современных социальных наук, а именно – защиты базовых принципов существующего порядка. Апологетика занимает важное место в магистральном русле российской экономической науки. В той более ранней работе были сформулированы принципы методологического конструктивизма в социальных исследованиях, они получили дальнейшее развитие в обсуждаемой монографии.

Книга воспринимается очень живо. В значительной мере это объясняется острой полемичностью позиции автора, который озабочен состоянием современной экономической науки и в яркой критической манере демонстрирует интеллектуальную нищету ее главного направления, а также даёт свои ключи к разрешению кризиса экономической мысли.

Написанная увлекательно, как это ни парадоксально, книга будет доступна не для всех. В стилистическом отношении она сложна, – текст изобилует цитатами, хоть и необходимыми для демонстрации позиций оппонентов и сторонников автора, но затрудняющими вычленение авторской мысли. Она непроста и в содержательном плане, поскольку составлена почти целиком из ранее публиковавшихся статей Владимира Максевича. В названии книги фигурирует слово «монография». Это говорит о том, что автор настаивает на цельности текста. С этим можно согласиться. Однако отметить некоторую «чересполосицу» также следует. Вот почему чтение книги требует определенных и не всегда оправданных усилий. Чтобы совершить сборку идей,

---

² Владимир Максевич разделяет взгляд Д. Макклоски на экономистов. Он считает, что «экономисты – это стихийные поэты и рассказчики, но сами они не знают об этом. Экономисты – это философы, не изучающие философию. Экономисты – это ученые, которые до сих пор не подозревают, что их наука превратилась в игру мальчишек в песочнице» (цит. по [Ефимов, 2021b. С. 169–170]).

изложенных в разных разделах, читатель должен постоянно держать их в представлении. Для этого требуется достаточно глубокая заинтересованность. К счастью или к несчастью (в зависимости от того, с какой стороны посмотреть), эта заинтересованность есть у всех, кто понимает, в каком кризисе находятся сейчас социальные науки.

К кому обращена книга? В первую очередь – к практикующим учёным, экономистам, социологам, юристам, всем тем, кто занимается (или думает, что занимается) научным постижением общества и экономики. На наш взгляд, Владимиру Максовичу удалось поставить такие вопросы и на многие из них дать такой ответ, что становится ясно, почему социальные науки часто показывают свою несостоятельность. Особенно в этом отношении «отличилась» стандартная экономическая теория, мейнстрим, как ее называют. Она, в частности, «прозевала» мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., не смогла дать внятного объяснения колоссальной и продолжающей нарастать диспропорции распределения доходов и накопленного богатства, замедлению научно-технического прогресса и экономического развития в целом, не даёт понимания возможных альтернатив в свете грядущих, уже отчётливо видимых вызовов. Книга будет безусловно интересна тем, чьи имена и научные достижения попали в область критического рассмотрения автора. И эти люди, и их труды довольно хорошо известны, а некоторые из них широко популярны.

В. М. Ефимов бросил вызов многим российским ученым³. На критику в науке принято отвечать, и не только потому, что учёный должен защищать свою репутацию. Дискуссия – это образ жизни науки. Уклоняясь от споров с оппонентами, ученый ставит под сомнение смысл той деятельности, которой он занимается. Можем с удовлетворением отметить, что на вызов Владимира Максовича ответила профессор Н. А. Шапиро из Санкт-Петербургского РГПУ им. А. И. Герцена [Шапиро, 2021], и автор ответил на её критику [Ефимов, 2021b].

Вторая группа читателей, к которым обращена книга, – это студенты-магистранты и аспиранты, готовящиеся стать исследователями. Кроме углубленного изучения предложенной темы, им следует понимать основания своего профессионального выбора

---

³ Рецензент сознательно не приводит их список, чтобы сохранить «интригу».

(какой научной школы следует придерживаться и почему) и возможных последствий будущей деятельности.

Третья группа адресатов – те, кто управляет образовательным процессом. Будущее науки, особенно экономической, принципиально зависит от того, как и чему будут учить молодежь. Если подготовка учёных будет происходить по стандартам современного научного мейнстрима, условно называемого Economics, вряд ли нам повезет увидеть в будущем экономистов, подобных Шумпетеру, Кейнсу, Чайанову, Кондратьеву или Ханину. А без хорошо подготовленных и глубоких умов решение текущих и предстоящих непростых задач вряд ли будет достижимо.

Социальные порядки и институты

В советской экономической литературе социальные порядки не обсуждались, говорилось в основном об общественно-экономических формациях, в терминах взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями. При этом, согласно материалистическому пониманию, первые детерминировали последние. Современный дискурс стал менее жестким и более свободным. В отечественную экономическую литературу пришли традиции, свойственные для западноевропейской социально-экономической мысли. В.М. Ефимов придерживается того течения, которое получило наименование «исходного институционализма», а также близкой к нему немецкой историко-этической школы.

В обсуждаемой книге социальный порядок имплицитно определен как способ функционирования и взаимодействия социально-экономических институтов⁴. Институты, в свою очередь, – это «опривыченные правила относительно определенных видов деятельности» (С. 7). Они формируются в результате согласования интересов участников хозяйственных процессов. Множество институтов появляются в результате делиберации – свободного обсуждения, осмысления существенных обстоятельств жизни и принятия взаимоприемлемых для заинтересованных сторон писанных или неписанных контрактов и вытекающих из них

---

⁴ В книге нет определения социального порядка. Коммонсовская традиция не требует краткой формулировки определения понятий. Важно, что их смысл становится понятен читателю в контексте их неоднократного использования. (Этот момент был установлен в ходе обсуждения с автором книги).

правил. Однако большинство институтов возникают в результате принуждения и насилия. Даже делиберативные решения во многих социальных порядках проводятся с применением силы или угрозы ее применения. В частности, «в делиберациях, т.е. обсуждениях, направленных на принятие решений, в советском обществе участвовала, как и в капиталистическом, достаточно узкая прослойка людей» (С. 164). Понятно, что эта прослойка добивалась своих целей в ущерб остальной массе.

Можно ли управлять историческим процессом формирования социальных порядков, создавая и развивая институты, или этот процесс, как полагали экономисты-материалисты марксистского толка, подчиняется «объективным экономическим законам», детерминирован производительными силами и жестко обусловленными ими производственными отношениями? Ответ на этот вопрос в книге положительный: конструирование справедливых и эффективных социальных порядков возможно. Владимир Максович считает, что, во-первых, в формировании социальных порядков важную роль играют отношения «надстроечного» типа – мораль, религия, национальные особенности темперамента, бытовая и/или высокая культура и характер народных традиций; во-вторых, при должной организации переговорного процесса⁵ и исследовательской работе, основанной на научных данных, возможно создание таких общественных порядков, при которых достижима разумная эффективность и социальная справедливость.

В доказательство названных тезисов автор приводит многочисленные ссылки на историю. О значении правильной организации делиберативного процесса говорит опыт высоко ценимого В. М. Ефимовым «исходного» институционалиста Джона Коммонса. Последний в период между двумя мировыми войнами дал своей научно-практической деятельностью эталон применения конструктивистской политической стратегии – осуществления в США научной организации переговорного процесса при решении конфликтов между предпринимателями и профсоюзами.

Еще одним подтверждением возможности конструктивного применения экономической науки является опыт другого

---

⁵ В такой переговорный процесс должна быть вовлечена большая часть населения страны, причем этот процесс должен сопровождаться массовым обучением новым идеям, способам действий и взаимодействия.

авторитетного экономиста – Густава Шмоллера. Благодаря его книгам, работам его коллег и учеников правительство канцлера Германии Отто фон Бисмарка в конце XIX в. впервые в мире выработало и внедрило системы пенсионного обеспечения и социального страхования. Каким горьким контрастом на этом фоне смотрятся российская хищническая приватизация 1990-х гг. и пенсионная реформа 2018 г.! В 1990-х годах в Москве все делалось наспех и под диктовку «экспертов» из ЦРУ.

Но если экономисты считают, что ходом истории можно управлять, что на это скажут профессиональные историки? Приятно отметить, что среди последних есть те, кто думает сходным образом. Вот что говорит член-корр. РАН Л.И. Бородкин: «Альтернативы в историческом развитии долгое время оставались фактически запрещенной темой в исследованиях советских историков. Почему? Считалось, что рассмотрение альтернатив нарушает один из основных постулатов исторического материализма, основанного на незыблемости законов исторического развития. Пожалуй, первым из наших ученых, нарушивших этот негласный запрет, был академик И.Д. Ковальченко, опубликовавший в 1986 г. в журнале “История СССР” статью “Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии”. Автор – один из ведущих историков-методологов – рассматривал альтернативу как историческую реальность, определяя ее следующим образом: “Альтернативной является такая историческая ситуация, которая характеризуется борьбой общественных сил за реализацию существенно отличных возможностей общественного развития”. Это определение открывает возможности научного изучения, математического моделирования альтернатив, “развилок” исторического развития» [Бородкин, 2021. С. 12]. То есть историки согласны: альтернативы исторического развития в прошлом возникали, и между ними делался выбор.

О двух типах социального порядка

В книге В.М. Ефимова обсуждаются два типа социальных порядков: монетарный и патрональный. Принципиальное различие между ними состоит в том, что если в патрональном порядке отношения власти и господства проявляются достаточно открыто, то в монетарном они «замаскированы», «прикрыты вуалью» денежной власти.

«Патроны» (заметим, этот термин в книге не употребляется), стоящие на вершинах социальных пирамид, действуют открыто, применяя силу и другие формы прямого принуждения по отношению к тем, над кем они господствуют. Принуждение это проявляется в разных формах (клановых, семейных, мафиозных). Современную Россию Владимир Максович относит именно к этому типу социального порядка. Власть у нас принадлежит клану «силовиков». Сложился этот порядок не сразу, и ключевую роль в процессе становления нынешней патрональной системы сыграл действующий президент. Интересно, что советский строй в книге трактуется как подготовительный этап, предшествующий созданию нынешнего. А начало этого процесса Владимир Максович видит в эпохе правления Петра I. Когда тот посетил Голландию и Англию, то нашел достойными для применения в России западные технологии, но не институты. Отчасти это можно объяснить личными пристрастиями царя – ему нравилось играть в кораблестроителей, матросов и капитанов – но главная причина равнодушия к социальным экспериментам состояла в том, что патрональная система в России XVII–XVIII веков с точки зрения потребностей властвующей элиты работала достаточно удовлетворительно, а то, в чем по-настоящему нуждался Петр для удовлетворения своих имперских амбиций, – это армия, флот и амуниция.

К социальному порядку советской эпохи, который патрональным в книге не считается, Владимир Максович испытывает сложные чувства, главное из которых – неприязнь. По его мнению, этот порядок был обречен на распад, поскольку советское государство не справилось со своими обязательствами перед гражданами. Одним из проявления фиаско советской государственности было то, что выданные властями обязательства – денежные знаки, показали неплатежеспособность государства, его неспособность обеспечить эффективность функционирования института денег. При социализме деньги не справились со своей имманентной функцией средства платежа. Государство, как единственный производитель, не обеспечило товарное покрытие денежной массы, и его распад был неизбежен.

Деньги, согласно концепции Владимира Максовича, являются институтом. С природой денег связаны правила поведения хозяйственных субъектов. Главное свойство денег – не их

функция особого товара, предназначенного для облегчения сделок купли-продажи⁶ (и сокращения транзакционных издержек, как думают новые институционалисты), – а выполнение «платежным сообществом» функции погашения своих обязательств.

В книге под «платежным сообществом» имплицитно понимаются все участники хозяйственных сделок (транзакций), в которых возникают и погашаются долги. Владимир Максович считает, что деньги есть «средство погашения обязательств» всего платежного сообщества владельцу денег, и деньгами производится манифестация кредитных отношений. Как говорится в книге, с помощью наличных и безналичных денег происходит погашение обязательств не между индивидуальными хозяйственными субъектами, а между отдельными хозяйственными субъектами со всей их совокупностью, объединенными в платежное сообщество.

Ключевую роль в платежном сообществе занимают эмитенты банкнот, казначейских билетов⁷, разменной монеты, записей на денежных счетах, а именно: государство, банки и другие «хозяева денег». Лишь эмитенты денег являются истинными должниками последней инстанции. Что касается индивидуальных долговых отношений, то они за очень редкими исключениями конкретны и персонифицированы: известно, кто, кому, сколько и в течение какого времени должен. Лишь в некоторых примитивных обществах, не «испорченных» монетарным социальным порядком, антропологи наблюдали обезличенные «абстрактные» обязательства людей перед своим племенем и наоборот [Гребер, 2015].

В тех платежных сообществах, где деньги и денежные институты хорошо выполняют свою кредитно-долговую функцию, все обстоит более-менее благополучно. Такие социальные порядки стабильны, они успешно развиваются. Если же институт денег

---

⁶ Бартера в реальном мире никогда не существовало, о чем говорят многочисленные антропологические исследования.

⁷ В современном мире казначейские билеты – явление достаточно редкое. Они почти полностью вытеснены банкнотами и разменной монетой, т.е. деньгами кредитными. Казначейские билеты, выпускаемые на фидуциарной основе, контролируются правительствами. Фидуциарная природа казначейских билетов состояла в том, что они не имели заявленного обеспечения, в то время как у кредитных денег обеспечение есть. В России, например, банкноты обеспечены всеми активами эмитента, центрального банка.

работает плохо, с высокой вероятностью происходит социально-экономический коллапс, как это случилось с СССР⁸.

Монетарный социальный порядок устанавливает такие правила взаимодействия между субъектами, которые принуждают их исполнять взятые на себя обязательства. Это дисциплинирует всех членов платежного сообщества, стимулирует их к эффективному хозяйствованию. Но и в монетарных социальных порядках можно видеть скрытые и достаточно опасные институциональные дефекты.

Главный из них состоит в том, что деньги, во всяком случае, основная их масса, создаются для частной выгоды частными лицами – банкирами и коммерсантами (последних Владимир Максович считает к этому не причастными, но это не так, купцы создавали протоденьги – коммерческие и финансовые векселя – уже в эпоху раннего средневекового капитализма, а в настоящее время от них исходят также и коммерческие бумаги, включаемые в широкую денежную массу). Большая часть денежной массы в современных условиях состоит из безналичных денег – записей на счетах клиентов банков, которые создаются в результате кредитования последних. Возможность создания денег из воздуха – это та власть, которая досталась банкам как участникам платежной системы в результате приобретения ими особой функции финансовых посредников и эмитентов денег. Такая власть, будучи используемой для извлечения частной выгоды, опасна.

Методология экономических исследований

На наш взгляд, в обеих книгах Владимира Максовича наибольший интерес представляет продвигаемая им методология

---

⁸ О потенциальной возможности спасения СССР и причинах его гибели Владимир Максович пишет так: «...необходимо совокупность государственных предприятий (объединений), включающих в себя промышленные, строительные, торговые и сельскохозяйственные предприятия превратить в платежное сообщество. Заметьте, речь идет о государственных предприятиях (объединениях), которые, чтобы стать членами национального платежного сообщества, не нуждаются в обязательном порядке быть приватизированными. Но что является обязательным для существования национального платежного сообщества, так это наличие адекватной платежной системы, нацеленной на фиксацию, передачу и погашение взаимных долгов. Преобразование советской экономической системы в 1990 г. началось не с создания такой системы, а с массовой приватизации предприятий при отсутствии адекватной платежной системы» (С. 219–220).

исходного институционализма и немецкой историко-этической школы. Вот как он сформулировал наилучший, с его точки зрения, способ постижения социально-экономической реальности: «Для меня, практически с самого начала исследовательской деятельности, ответ был очевиден: нужно вступить в контакт с участниками этой реальности, чтобы получить информацию о ней “из первых рук”. Контакт может быть осуществлен в виде беседы-интервью, совместной деятельности (включенного наблюдения) или воздействия на эту реальность ее участников (исследование действием). Все эти виды контактов опосредуются языком, поэтому полученная в результате информация носит дискурсивный характер и представляет собой так или иначе составленные тексты. Результаты анализа таких текстов и являются результатами исследования» [Ефимов, 2021b. С. 168].

Почему именно исходный институционализм, а не тот, который развивается в рамках так называемой новой институциональной экономической теории, должен использоваться и развиваться современными экономистами? Во-первых, из-за его незамутненности априорными представлениями и моделями. Во-вторых, из-за его практической направленности. Результаты экономических исследований должны служить обществу, помогать в решении его проблем (С. 242–243). Применение математики и эконометрики должно быть серьезно оправдано, иначе математический аппарат поработит исследователя, принудит его следовать неадекватной и нерелевантной логике.

Философская основа предлагаемой методологии – прагматизм Джона Дьюи. «В философии Дьюи можно увидеть альтернативу философии, пропагандируемой и развиваемой экономистами магистрального направления. “Экономический человек” (*homo economicus*) этой философии заменяется у Дьюи “человеком познающим”, который постоянно в своей жизни проводит исследования-расследования, коллективно приспособляясь к изменяющимся условиям своего существования. Приспособление это осуществляется путем коллективной смены правил-привычек членов определенного сообщества, изменение которых следует корректировке разделяемых членами сообщества верований-убеждений» (С. 58).

Экономисты, ученые и исследователи

В. М. Ефимов различает «ученых» и «исследователей». «У экономистов ученый – это тот, кто знает абстрактные, в большинстве схоластические теории, наработанные профессией, и сам вносит вклад в их разработку. <...> Исследователь же – это тот, кто ищет понимания определенных явлений на основе изучения фактов. Его основное качество – это не память, а любопытство» (С. 10). Подавляющее большинство академических экономистов, по его мнению, может быть отнесено к одной из следующих четырех категорий (С. 243): «Любопытный альтруист» (этот тип наиболее близок к определению «исследователя»); «Эстет» (любителю строить красивые теории, которые будут положительно оценены коллегами); «Служащий» (любитель спокойного академического существования); «Коммерсант» (внимательно следит за тем, какие направления модны и получают научные гранты).

Почему вымирают «исследователи» и, в частности, «любопытные альтруисты»? К сожалению, в книге этот вопрос не получил должного освещения. Мы полагаем, что причину отказа от критического осмысления природы социальных порядков надо искать в мотивациях современных экономистов и социологов. Достижения людей, которые идут в науку, в частности, в экономику, сегодня оцениваются в зависимости от публикационной активности, которая влияет на их карьерный рост, шансы получения грантов и иного финансирования.

Чтобы опубликовать статью в высокорейтинговом научном журнале, надо получить положительную оценку от авторитетных рецензентов с высоким академическим статусом (именно по этому признаку их отбирают академические журналы). По своим научным пристрастиям и профилю это в большинстве своем «ученые», те, «кто знает абстрактные, в большинстве схоластические теории, наработанные профессией, и сами вносят вклад в их разработку» (С. 10).

Эти люди не хотят, чтобы их академические позиции подвергались сомнению из-за публикации неортодоксальных научных результатов. Скорее всего, рецензенты отклонят излишне смелую, на их взгляд, статью или потребуют внести такую правку, которая выхолостит радикальную идею. Но даже если смелая идея попадет на страницы журнала, она получит поддержку (в форме цитирования или предоставления гранта на продолжение иссле-

дований) далеко не сразу, а для ученого публикация нужна сейчас или, во всяком случае, поскорее. Получается, что существующий институт оценки успешности исследовательской деятельности и продвижение ученых по вертикали академических статусов и академического авторитета работает против научного прогресса. Он стимулирует ученых, в особенности молодых, работать в рамках мейнстрима, продолжать сложившуюся академическую апологетику действующего социального порядка.

Почти полное исчезновение из публикационного потока революционных идей стало одним из следствий навязанного научному сообществу института рецензируемых и международно индексируемых журналов. Ученые действуют оппортунистически (в бытовом смысле этого слова) – работают над «проходными» темами, не конфликтующими с мейнстримом. Действуя таким образом, в своих работах можно совершать хоть и небольшие, но одобряемые научным истеблишментом шажки. Ну и что, если значительного вклада в науку не происходит. Зато у автора опубликованной статьи появятся дополнительные шансы на продвижение или хотя бы закрепление по службе, он может сослаться на публикацию, делая заявку на новый грант. В мировой науке давно укоренился девиз *publish or perish* (англ. – «публикуй или погибнешь»). Вот и публикуют.

Чтобы выйти за границы официальной академической колеи, требуется самоотверженность, научная смелость и финансовая независимость. Таких ученых мало, но они есть, и один из них – автор рецензируемой монографии.

Хотя Владимир Максович не обсуждал вопрос: почему в настоящее время вымирают «исследователи» и «любопытные альтруисты», он достаточно много и интересно писал о том, как обстояло дело с аналогичным вопросом в прошлом – борьбой с мейнстримом. В монографии есть обсуждение очень интересных эпизодов истории экономической мысли, а именно – попыток двух великих умов, Й. Шумпетера и Дж. М. Кейнса, разобраться с природой денег и определить, как надо понимать мир, в котором кредитно-денежная политика становится орудием власти.

Почти одновременно эти два великих мыслителя предложили свои достаточно близкие трактовки денег, показав их долговую, кредитную природу (при этом Кейнс все же не счи-

тал, что деньги – это институт, он вообще не мыслил в этих категориях), но и тот, и другой отказались от развития своих идей. Кейнс свой «Трактат о деньгах» все же опубликовал, хотя тот так и не стал популярным в академической среде в отличие от «Общей теории занятости, процента и денег». Шумпетер же после того, как перебрался в США подальше от Гитлера, свой труд о деньгах *Das Wesen des Geldes* («Сущность денег») публиковать не стал (он появился только через 20 лет после смерти ученого) [Лакомски-Лагерр, 2020]. Это серьезно помешало бы ему получить постоянное место (*tenure*) на кафедре Гарвардского университета.

Оба великих мыслителя не выдержали террора академического мейнстрима. Чего же можно требовать от современных молодых ученых?

Система подготовки молодых ученых

Как надо готовить тех, кто предназначен совершенствовать социальные порядки? Учить их только путем штудирования трудов предшественников, заучивания цитат, натаскивания на построение моделей и решение экономико-математических и эконометрических задач – бесполезно и вредно. Чтобы из университета вышли исследователи, которые способны заниматься поиском (конструированием) способов совершенствования и созданием новых институтов, требуется вовлечение их в решение учебных кейсов, участие в полевой исследовательской работе. Руководить таким процессом должны опытные тьюторы, имеющие соответствующий опыт и квалификацию. Молодые специалисты, изучающие и исправляющие реальность, должны быть готовы к тому, чтобы «вступить в контакт с участниками этой реальности, чтобы получить информацию о ней “из первых рук” <...> в виде беседы-интервью, совместной деятельности (включенного наблюдения) или воздействия на эту реальность ее участников (исследование действием)» [Ефимов, 2021b. С. 168].

Определенный таким образом желательный метод работы с молодежью редко встречается в современных российских университетах. Тем не менее в элитных вузах его практикуют. Возможно, это вызовет удивление Владимира Максовича, но такой опыт можно встретить именно в центрах мейнстрима, –

в родном для него МГУ, в Высшей школе экономики, в Российской экономической школе и некоторых других престижных вузах, там по многим дисциплинам в магистратуре активно работают с учебными кейсами. Так в чем же дело? Почему из университетов, и обычных, и престижных, выходят апологеты существующего социального порядка?

На наш взгляд, дело обстоит следующим образом. Современная система высшего образования, в том числе в области социальных наук, претерпевает проводимую чиновниками Минобрнауки реформу. Суть ее в том, чтобы в результате обучения в вузе молодежь получила не образование, а компетенции. Компетенции состоят из трех видов навыков – знать, понимать и уметь. Никто из чиновников не разъясняет, чем элементы этой триады отличаются друг от друга и как можно, например, знать, не понимая, или понимать, не умея.

Эта мега-реформа происходит в рамках так называемого Болонского процесса, который был задуман с целью унификации учебных программ, их глобальной «гармонизации» в соответствии с Лиссабонской «конвенцией о признании». Официальной датой начала процесса принято считать 19 июня 1999 г., когда министры образования 29 европейских стран подписали Болонскую декларацию. Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г.

Единые учебные программы в разных вузах мира должны быть составлены так, чтобы студенты могли легко включиться в учебный процесс на любом из этапов, например, переведясь после 3-го курса из Новосибирского госуниверситета, в Гарвардский. Эта абсурдная, на наш взгляд, идея была с готовностью принята и ревностно исполняется российскими чиновниками. И вот теперь студенты-экономисты и социологи получают «компетенции», суть которых в том, чтобы защищать существующие социальные порядки. Когда кратко очерченная выше программа реформы высшей школы наложилась на реформу образования среднего с его ЕГЭ, возник кумулятивный процесс обвальной деградации качества человеческого капитала. Особенно чувствительно это сказывается на социальных науках, от состояния которых сильно зависит будущее человечества. Есть основания думать, что описанный процесс был результатом чьего-то злого умысла. Остановить его реализацию не просто.

Для этого требуются серьезные усилия. Рецензируемая книга – их манифестация. Будет ли получен благой результат – вопрос реакции научного сообщества, его солидарности и решимости.

Есть вопросы

Часть вопросов к книге не очень существенны, но есть и другие.

Начнем с мелких. Владимир Максович, безусловно, прав, утверждая, что деньги имеют кредитную природу. Такая точка зрения достаточно глубоко укоренилась в современном дискурсе. Большинство серьезных учебников по банковскому делу, по финансам и макроэкономике в явном виде или по умолчанию принимают этот подход⁹, полемику с ретроградами вести не стоило. Не стоило, в частности, спорить с явно абсурдным тезисом, что «банковские кредиты выдаются из имеющихся у них депозитов» (С. 84).

Тезис Шумпетера о том, что все банковские операции следует трактовать в терминах национальных бухгалтерских книг, давно стал общепринятым. Всякий студент, освоивший принципы банковских финансов, теперь это знает. По этой причине всем известно, что создавать ссуды можно только путем трансформации в долг заемщика (инвестирования) тех денежных средств, которые имеются на корреспондентских счетах или в кассе банка (свободных резервов и денежной наличности) или (реже) на счетах высоколиквидных ценных бумаг, имеющихся в **активе** банков (если, например, банк предоставляет вексельный кредит)¹⁰. Никакие **пассивные** счета, к которым относятся и депозиты, со ссудной операцией корреспондировать не могут¹¹.

---

⁹ Мэнкью Г. Макроэкономика. М.: МГУ, 1994.

¹⁰ Предоставляя ссуду, банк на определенных условиях передает собственные средства заемщику. Некоторые виды кредита создают прирост денежных средств на счетах должников, однако во многих случаях кредитование осуществляется, минуя эти счета. Именно так происходит финансирование экономических субъектов, являющихся клиентами банков-кредиторов в части расчетного обслуживания. Депозиты могут не создаваться также и в случаях, когда ссуда предоставлена в налично-денежной форме и используется сразу на приобретение активов при коммерческом кредитовании или предметов потребления при потребительском кредите.

¹¹ Курныкина О. В., Соколинская Н. Э.: Организация бухгалтерского учета в банках. Учебник. М.: Кнорус. 2021.

Если отойти от терминологии бухучета, сказанное выше можно переформулировать так: как только банк получает вклад (депозит), он начинает распоряжаться этими ресурсами от своего имени и за свой счет. Именно так и записано в российском законе о банках и банковской деятельности. Обязательства банка перед вкладчиком ни на копейку не изменятся, что бы банк не предпринимал с полученными деньгами. Важным свойством современных банковских финансов является строгое ограничение на объем активных операций: банк в общем случае не вправе выходить за предел имеющейся в его собственности свободной денежной массы, как наличной (остаток средств в кассах), так и безналичной (свободные средства на корреспондентских счетах)¹².

Отсюда следует, что некоторые высказывания в книге В. М. Ефимова в определенном смысле спорны, если не сомнительны. Например: «создание частными банками столько банковских денег, сколько они того пожелают, <...> – это однозначно лучший из всех возможных миров для “повелителей вселенной”» (С. 128). Или: «значительная часть денежной массы производится банками при выдаче кредита» (С. 84).

Владимир Максович прав, что так называемые безналичные деньги могут быть созданы и фактически создаются коммерческими банками в результате совокупности ссудных операций, но не индивидуально (каждым отдельным банком), а всей банковской системой в результате взаимодействия банков в процессе создания (наращения) депозитов у заемщиков, обслуживаемых в других банках. Такой процесс называется денежной мультипликацией, его описание можно найти в любом качественном учебнике по банковскому делу или по макроэкономике¹³.

Примечательно, что в монобанковской системе с одним единственным банком (как это было, например, в СССР) денежная мультипликация невозможна, и все деньги будут создаваться в наличной и безналичной формах в результате централизованной

---

¹² Не углубляясь в современные банковские финансы, отметим, что существует множество дополнительных ограничителей кредитной активности, в частности, банки не могут выдавать кредиты с нарушением нескольких нормативов – предельного риска на одного заемщика, ликвидности (в трех разновидностях), достаточности капитала.

¹³ *Мэнкью Г.* Макроэкономика. М.: МГУ. С. 675–677.

эмиссии¹⁴. Следует также иметь в виду, что денежный мультипликатор действует не мгновенно, а его величина ограничена и зависит от того, какую часть своих кредитных ресурсов банк резервирует в ликвидной форме – добровольно или по требованию регулятора. Все эти вопросы подробно обсуждаются в массовых учебниках, поэтому углубляться в них мы не считаем целесообразным.

У невнимательного или недостаточно знакомого с банковскими финансами читателя может сложиться впечатление, что денежная власть хозяев денег безгранична, и в распоряжении частных банкиров находится «печатный станок» (и генератор безналичных денег), позволяющий им создавать столько денег, «сколько они пожелают». На самом деле это не так¹⁵. Даже хорошо известный «денежный станок ФРС» не даст сбоя до тех пор, пока доллар будет признаваться в мире как достойная доверия долговая расписка.

В силу глобального характера современных платежных сообществ и международных «привычных правил» денежного оборота возникает вопрос, как формируются мировые денежные институты? ФРС, в отличие от большинства центральных банков мира, производит эмиссию долларов в открытой форме

---

¹⁴ По общепринятому определению, в денежную массу входят банкноты, монеты, а также остатки безналичных денежных средств на депозитных счетах клиентов коммерческих банков. Депозиты могут не создаваться в результате кредитной экспансии в двух случаях: а) в кредитно-денежной системе с единственным банком, б) если ссуды предоставляются клиентам, получающим расчетные услуги от своего банка-кредитора. Однако для нас существенно, что **после единичного представленного кредита** (даже если в результате этого был создан новый депозит) **появления новых денег, дополнительных к ранее существовавшим, не происходит**. Те деньги, которые предоставлены клиенту в результате однократного акта кредитования, уходят из банка-кредитора, в банк, обслуживающий расчетные операции заемщика, в неизменном объеме. **Новые деньги** начинают возникать только после того, как первоначальный депозит, возникший от впрыскивания первоначального кредита, будет в дальнейшем запущен в кредитно-денежный оборот. Примечательно, что этот оборот будет происходить спонтанно, без каких-либо усилий со стороны банкиров. Такой процесс создания денег можно сравнить с неконтролируемой цепной реакцией атомного распада. В экономической литературе его принято называть денежной мультипликацией.

¹⁵ Денежная мультипликация, ограниченная по своим масштабам, возникает спонтанно, без каких-либо специальных усилий со стороны банков. По этой причине денежная власть банков состоит не в том, что они могут генерировать безналичную денежную массу, а в том, что они, обладая контролем над правилами платежного оборота и создания долга, могут принимать дискреционные решения о выборе способов использования денег в своих интересах ценой ущерба национальным интересам, какими бы они ни были.

долговых инструментов, поскольку выпускает новые наличные и безналичные доллары только в обмен на трежерис – долговые ценные бумаги федерального правительства США, векселя и облигации Казначейства (Treasure Notes and Bills). Федеральная резервная система – не государственный банк, она принадлежит частным банкам, за которыми стоят физические лица. Поэтому доллар нужно трактовать как частную долговую расписку, выпущенную взамен государственной. После того, как ФРС выкупает у Казначейства трежерис, она сразу же их распродает, перекладывая тем самым долговое бремя на коммерческие банки США и, что главное, на центральные и коммерческие банки других стран мира. Если этого не произойдет, то при нынешнем уровне госдолга США мировая финансовая система может рухнуть.

Чтобы обеспечить устойчивость долговой пирамиды долларовых обязательств, власти США применяют политическое и военное давление на мировую банковскую систему и/или угрожают силой, включая военную, для поддержания сложного мирового финансового баланса. В частности, они прямо или косвенно через разного рода международные организации принуждают страны мира создавать суверенные фонды и инвестировать их в долговые обязательства правительства США¹⁶. Выйти из мировой долговой кабалы трудно, если вообще возможно. Мировая финансовая система становится все более хрупкой и неустойчивой, как картонный домик.

В связи с этим возникают вопросы: как правила и обычаи глобальных институтов, взаимодействующих с национальными, сказываются на национальных социальных порядках? Не произойдет ли в таких условиях «заражение» патрональных систем свойствами монетарных и наоборот? Можно ли воздействовать на эти правила, чтобы избежать негативных последствий?

В книге В.М. Ефимова содержится сильный и справедливый упрек к магистральному течению экономической мысли: нельзя рассматривать социально-экономические институты как итог божественного творения; институты создаются в процессе де-либеративного выбора приемлемых правил, которые постепенно становятся условием привычного образа деятельности. Чтобы

---

¹⁶ *Ануреев С.* Дорогая наша нефть... Нефть подорожала: на каких условиях отдавать США часть сверхдоходов (URL: https://zavtra.ru/blogs/dorogaya_nasha_neft_; (дата обращения: 25.03.2021).

выявить свойства этих институтов, исследователю необходимо изучить эти правила и привычки, а также лежащие в их основе верования-убеждения, которые фиксируются, рефлексированы, а иногда и ставятся под сомнение в дискурсах индивидуумов. Собрать эту информацию в первую очередь можно с помощью интервью, но существуют и более глубинные методы сбора количественных и качественных данных.

Но что делать после того, как информация собрана? Отчетливого ответа в книге нет. Возможно, следует построить модели поведения людей, которые дадут приемлемое описание наблюдаемых фактов и мотивации (верований-убеждений) в рамках опривыченных правил, и использовать их для построения прогнозов? Однако Владимир Максович призывает относиться к моделям с большой осторожностью, а прогнозирование в его методологию вообще не вписывается.

Возможно, нам следует проверять надежность и объективность полученных знаний? Как правило, в науке это происходит экспериментальным путем. Однако относительно устоявшейся методологии экспериментальной экономики Владимир Максович также весьма скептичен, хотя соответствующий инструментарий в современной экономической науке весьма развит. Уже в конце прошлого столетия появилась определенность относительно возможностей и ограничений экспериментирования, начиная от лабораторного и заканчивая полевыми, одной из разновидностей которых являются естественные эксперименты [Harrison, List, 2004]. Почему этими наработками не стоит пользоваться? Отчетливого ответа и на этот вопрос в книге мы не видим.

В этой связи вспоминаются слова одного из истинных исследователей, нобелевского лауреата по экономике Мориса Алле, уважительную оценку трудов которого можно найти в обсуждаемой книге: «Наука существует только там, где есть закономерности, которые можно изучить и предсказать. Такова, например, небесная механика. Но то же самое можно сказать и о большей части социальных явлений и, в особенности, явлений экономических. Их углубленный анализ действительно позволяет показать существование столь же поразительных закономерностей, что и те, которые обнаруживаются в физике. Именно по этой причине экономический анализ является наукой, в которой применяются

те же принципы и методы, что и в физических науках» [Алле, 1994. С. 11].

Вместо заключения

Большая ценность книги В.М. Ефимова состоит в том, что она пробуждает беспокойство относительно состояния экономической науки и перспектив ее развития. Размышляя о разворачивающемся перед нашими глазами научном кризисе, приходишь к выводу, что окна Овертона открываются все реже и реже, а их пространство – все уже и уже.

Вместе с тем современная ситуация не совсем безвыходна. Хотя научные прорывы в экономических и социальных науках постепенно затухают, они все же происходят в тех областях, которые продвигаются все ближе и ближе к проблематике обсуждаемой книги. Мейнстрим все еще сохраняет свою мощь, но на периферии социальных наук намечается благотворный подъем.

В частности, не может не радовать, что в социологии, как мировой, так и российской, получила развитие технология углубленного полуструктурированного интервью; развивается практика включенного наблюдения, социологи входят в рабочие команды действующих проектов. Что это, как не экспериментальный метод научного поиска, о котором говорится в книгах Владимира Максевича?

В экономике стали высоко ценить экспериментальные исследования. Полевые эксперименты проводятся для решения важных практических задач: исследователи предпринимают серьезные усилия для поиска работающих социальных институтов, помогающих разрывать порочные круги нищеты; в лабораторных экспериментах вплотную подошли к постановке и решению задач моделирования эндогенного конструирования правил игрового поведения, что вплотную продвигает нас к пониманию того, как развиваются социальные институты.

Книга В.М. Ефимова является хорошим противовесом против необдуманного использования методологического арсенала Economics. Работу над этим надо продолжать.

Литература

Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Вып. 4. С 11–19.

Бородкин Л. И. Преемственность и разрывы в экономической истории России XIX–XX вв. // ЭКО. 2021. № 4. С. 8–28. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-8-28

Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015.

Ефимов В. М. Деньги, социальные порядки и экономическая наука: монография / В. М. Ефимов. М.: КУРС, 2021а. 296 с. (Серия «Наука») ISBN 978–5–907352–12–4

Ефимов В. М. Схоластическая риторика как метод производства текстов в сообществе экономистов-теоретиков // ЭКО. 2021б. № 3. С. 167–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192

Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иная методология, история и исследовательские практики. М.: Курс: ИНФРА-М. 2016

Лакомски-Лагерр О. Кредитная сущность денег глазами Йозефа Шумпетера: вклад в «монетарный анализ» капитализма // Journal of Institutional Studies, 2020. № 12(4). С. 54–76. DOI: 10.17835/2076-6297.2020.12.4.054-076

Шапиро Н. А. Институциональная экономика в современной экономической науке, или по поводу всего в статье В. М. Ефимова «Анти-Аузан: критика одной социальной философии» // ЭКО. 2021. № 2. С. 176–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192.

Harrison G. W.; List J. A. (2004). Field Experiments // Journal of Economic Literature, Vol. 42. No. 4. Pp. 1009–1055.

Статья поступила 08.04.2021

Статья принята к публикации 08.05.2021

Для цитирования: *Тесля П. Н.* О социальных порядках, способах их постижения и конструирования (о новой книге В. М. Ефимова) // ЭКО. 2021. № 7. С. 171–192. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-171-192

Summary

Teslia, P.N., Cand. Sci. (Econ.), Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk State Technical University, National Research Novosibirsk State University, Novosibirsk

On Social Orders and Ways to Comprehend and Construct Them (about the new book by V. M. Efimov)

Abstract. Mr. Efimov develops an application of the methodology of pragmatism of J. Dewey in Economic Research. The application of this methodology is presented in his book in the traditions of «original» institutionalism developed by J. Commons and the German Historical and Ethical School of G. Schmoller. The author critically examines the main current of modern economic thought, namely, the new institutional theory. His book shows the apologetic and anti-scientific nature of the latter. The fundamental innovation of the book under discussion is consideration of monetary social orders, in which power is manifested through the institution of money, as opposed to patronal orders, in which power is manifested directly. Institutions are

interpreted as customary rules, behind which there are beliefs and thoughts. The money, by its nature, is a proof of debt. It requires consideration of the role of payment communities, their role in the creation and use of money as an instrument of power. The review considers issues that require further development within the framework of the scientific topics raised in the book. In particular, it is proposed to consider the following issues: the development of an experimental approach in economic research, improving the training of researchers in economic science, and a number of others.

Keywords: *economic science; social orders; social and economic institutions; economic power; methodology of economic research; original institutionalism; new institutional theory; payment community; monetary multiplier; experimental economics; economic experiments.*

References

Allais M. (1990). La science économique d'aujourd'hui et les faits. *Revue des Deux Mondes*, juin. Pp.54–74. (In Russ.).

Borodkin, L. I. (2021). Continuity and Gaps in the Economic History of Russia in the 19th-20th Centuries. *ECO*. No. 4. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-4-8-28

Graeber, D. (2011). *Debt: The First 5000 Years*. New York. Melville House Publishing. (In Russ.).

Lakomski-Laguerre, O. (2016). Joseph Schumpeter's credit view of money: A contribution to a "monetary analysis" of capitalism. *History of Political Economy*, 48(3). DOI 10.1215/00182702-3638655

Yefimov, V.M. (2021a). Money, social orders and economic science: a monograph/ V.M. Efimov. Moscow. KURS: INFRA-M. (In Russ.)

Yefimov, V.M. (2021b). Scholastic Rhetoric as a Method of Producing Texts in the Community of Theoretical Economists. *ECO*. No. 3. Pp. 167–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-3-167-192

Yefimov, V.M. (2016). Economic science in question: other methodology, history and research practices. Moscow. KURS: INFRA-M, 2016 (In Russ.)

Shapiro, N.A. (2021). Institutional Economics in the Modern Economic Science or on everything raised by V.M. Yefimov in his paper «Anti-Auzan: The Critique of a Social Philosophy». *ECO*. No. 2. Pp. 176–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-2-176-192.

Harrison G.W.; List J.A. (2004). *Field Experiments Journal of Economic Literature*, Vol. 42. No. 4. Pp. 1009–1055.

For citation: Teslia, P.N. (2021). On Social Orders and Ways to Comprehend and Construct Them (about the new book by V. M. Efimov) . *ECO*. No. 7. Pp. 171–192. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2021-7-171-192